

Алена Яворская

«В поэзии считаюсь живописцем и в живописи будучи поэт...»

Автопортрет с тетрадью

В середине 1960-х начался ремонт дома 23 по улице Ярославского (она же Троицкая). Дело обычное, и кто же мог заподозрить, что это – первый шаг к возвращению одного из самых заметных участников культурной жизни Одессы времен гражданской войны?

Пожелтевшая связка писем, найденная на чердаке, попала в руки прорабу – Семену Лившину (в дальнейшей жизни – известному сатирику), от него – к Сергею Калмыкову, а затем к Сергею Зеноновичу Луцику. И Луцик из обрывков писем, упоминаний в журналах и газетах, разговоров с родственниками сложил и воссоздал удивительную судьбу

Вениамина Симовича Бабаджана, поэта, художника, книгоиздателя, искусствоведа, критика.

Бабаджан прожил всего двадцать шесть лет – родился 10 сентября 1884 года в Одессе в зажиточной караимской семье, расстрелян как белый офицер в ноябре 1920 в Феодосии.

Лущик собирал материалы о Бабаджане намного дольше – около сорока лет. В конце 1990-х Юрий Авах, сын любимой старшей сестры Бабаджана Тотеш решил передать Сергею Зеноновичу все сохранившиеся в семье рукописи и фото.

В 2004 г. С.З. Лущик (с участием моим и Ольги Барковской) на основе этого архива издал двухтомник «Вениамин Бабаджан. Из творческого наследия». И в нем – все о Бабаджане, авторе трех поэтических сборников, двух книг о живописи «Сезанн. Жизнь, творчество и письма» и «Врубель. Печальный гений», организаторе книгоиздательства «Омфалос».

И еще – о Бабаджане-живописце.

Рисунки его разбросаны по страницам поэтических тетрадей, работы хранятся в Художественном музее и в частных коллекциях – и все это Лущик не только нашел, но и свел воедино: в книге воспроизведены все известные сегодня рисунки Бабаджана.

Поразительно, сколько смог и успел сделать юноша, который из немногих отведенных ему лет все четыре года первой мировой, с первого до последнего дня ее, был на фронте.

Увлечение живописью началось еще в гимназические годы, самая ранняя работа датирована 1912 г., а год спустя Бабаджан принимает участие во «2-й художественной выставке картин «Объединенных». Критики называют его работы «удачными». Он даже подал прошение о зачислении в Одесское художественное училище, но в результате поступил на юридический

Натурица

Автопортрет. 14 января 1918 г.

Автопортрет

факультет Новороссийского университета (вероятно, по настоянию родителей). В письме сестре он жалуется: «Я себя систематически отучаю от рисования, и это очень мучительно. По воскресеньям, как бы плохо ни занимался всю неделю, я уже не могу взять книг в руки и рисую с утра до вечера». Это в мирной жизни.

А затем фронт, служба в госпитале, и он с грустью вспоминает время, «когда я был художником». Но все же успевает делать многочисленные наброски карандашом и тушью на страницах тетрадей стихов.

Поэт и художник неразрывно связаны. В стихах и перечень кумиров «Сперва меня пленил идейный Репин...», и уверенность в выборе «Ничто во мне не умертвит Моей любви к стиху и краске...», и пейзаж, на который «как очарованный, взирает И живописец, и поэт».

Эти стихотворные теоретические рассуждения и пейзажи написаны с лета 1915 до января 1917 г. После достаточно пафосные интонации ранних стихов сменяются более ироническими.

В ноябре 1917 г. Бабаджан смог принять участие в выставке Общества «Независимых» – из пяти работ, указанных

в каталоге, сохранилась лишь одна – «Девочка с бантом». Очевидно, во время отпуска он посещал натурные классы. Две шуточные зарисовки о художниках и о натурщиках «Альма Тадема – крайняя правая, Крайняя левая – сам Пикассо...» и «За два двугривенных голодная натура Пришла позировать в нетопленный чердак...» датированы ноябрем 1917 г.

В январе 1918 г. он пишет сценку «Поэт, художник и натурщица» (первоначальное название «Художник, поэт и натурщица»). Возможно, название изменилось именно потому, что в борьбе классического стихосложения и авангардной живописи победил поэт – испуганная натурщица с визгом спасается у него на груди, увидев свое изображение.

Художник же уверен:

Кубических пропорций совершенство
Объем земли огромен! О, блаженство
Объятий необъятного! И так,
Теперь путь найден, или я – дурак!
О, новизна свободного искусства!
Как в прошлом все бездарно, глупо, пусто –
Рабы природы Дюрер и Рембрандт,
И Тициан, закопанный талант!

Интересно упоминание Тициана в таком контексте – именно о нем как об идеале писал Бабаджан в своем первом стихотворении о живописи в 1915 г.:

Натурщица

Ищу иных, безвестных сочетаний –
Их предугадывал мудрец Тициан
В прощальной простоте своих мечтаний.

В конце марта 1918 г. Вениамин Бабаджан вернулся с фронта, первое время активно занимается журналистикой и книгоизданием, лишь к осени не менее активно включается и в жизнь художественную. Именно он в октябре 1918 г. стал идеологом и теоретиком «Свободной мастерской», руководителем которой был Ю. Бершадский.

Макс Гельман вспоминал: «Я прекрасно помню, как мы все, молодые художники этой мастерской, помогали Бабаджану клеить репродукции Сезанна в его книжку для изд. Омфалос».

Мастерская размещалась на пятом этаже нового дома по Екатерининской, 24. Молодые художники и поэты были дружны, тем более что зачастую художник был поэтом – как Бабаджан, а поэт – художником, как Багрицкий.

Песенку о веселой жизни мастерской с перечнем молодых дарований и характеристикой их художественных убеждений Багрицкий сочинил, как вспоминают, «на ходу»:

Нет ничего прекрасней в мире,
Когда вдыхая трубок дым,
Под номером 24
На пятом этаже сидим.

В волне табачного тумана
Кружится жизни колесо,
Но мы поем хвалу Сезанну,
Хороним дружно Пикассо.

И, убивая красок литры,
Все непреклонней, все смелей,
Не бросим мы своей палитры
И не покинем мы кистей.

<...>

Поэт, художник и политик,
Певец, купец и ветеран,
Привет вам, славный «омфалитик»
Верблюдоногий Бабаджан.

<...>

На полотне, на мягкой глине,
Созданием творчества горды,
Тут Гельман, Фикс и Соколини
Свои оставили следы.

Приходит ночь, покрылись мраком
Ряды недвижные столов.
Смешалось все: Ван Гог с Синьяком
И с Семирадским Калмаков.

(О Фиксе и Соколике (Соколини) упоминает Бабаджан в стихотворении «Альма Тадема – крайняя правая...».)

В ноябре 1918 г. открылась очередная выставка «Независимых», на которой были три работы Бабаджана.

В тетради «Идеи и затеи» между стихами, датированными октябрём 1918 г. и январем 1919 г., есть безымянная сценка, явно вдохновленная спорами в «Свободной мастерской», и, по всей видимости, рецензиями и устными отзывами представителей старшего поколения художников.

Действующие лица – Петр Нилус, Давид Бурлюк, Кириак Костанди, художественный критик и Пикассо.

Судя по стихам Багрицкого, ругать Пикассо было хорошим тоном среди молодых художников. Не противоречит этому предположению и цитата из рецензии Бабаджана на книгу И. Аксенова «Пикассо и окрестности» (июль 1918 г.): «Нашумевшая система Пикассо разъяснена и оправдана, поскольку вообще возможно разъяснение предмета, предназначенного интуитивному постижению». И в финале сценки Пикассо, состоящий из «подрамников, оклеенных газетами», «с грохотом распадается».

Через несколько страниц Бабаджан записывает то ли эпиграф, то ли начало стихотворения:

В поэзии считаясь живописцем
И в живописи будучи поэт

За свою короткую жизнь поэт, художник, издатель Вениамин Бабаджан успел сделать столь много и столь безнадежно мало.

В 1920 г. Георгий Шенгели назвал убитого в 1918 г. Анатолия Фиолетова «жертвой утренней южнорусской школы поэтов».

Вениамин Бабаджан для этой школы стал последней жертвой гражданской войны.

Вениамин Бабаджан

* * *

Сперва меня пленил идейный Репин
И мил душе был тихий Левитан.
Потом в моих глазах великолепен
Был только Врубель. Только демон, пан

Безумным пафосом своих движений
Казались мне прекрасны. Но и те
Прискучили. Открылся новый гений
И властно звал к открытой красоте.

И я ушел к тебе, святой Сезанн,
Но ты не утолил моих желаний.
Им нет конца. Их мера – океан.

Ищу иных, безвестных сочетаний –
Их предугадывал мудрец Тициан
В прощальной простоте своих мечтаний.

12 авг. [1915], Павлово

Сонет

Ничто во мне не умертвит
Моей любви к стиху и краске,
Моей любви к любви и ласке,
К пыланью девичьих ланит.
Под тяжестью надгробных плит
Не схоронить веселой пляски:
«И смерть – веселье», говорит
Улыбка на безносой маске.
Не знаю, где отдохновенье,
В чем смерть и жизнь, и вдохновенье,
И грань неуловимых чувств.
Я проведу свои досуги
У алтаря святых искусств
В счастливом обществе подруги.

XI 915 Листвин

«КБ»

Как хорошо, что уж зима,
Что небо перестало плакать,
Что наконец замерзла слякоть
И четки в белизне дома.

И глазу мирному приятно
Через окошко наблюдать,
Как все, голубовато-ватно,
Приемлет зимнюю печать.

На темный конский силуэт –
Конь на снегу кипит, играет, –
Как очарованный, взирает
И живописец, и поэт.

15 января 917 Ратешул-Луй-Харет

Автопортрет

* * *

За два двугривенных голодная натура
Пришла позировать в нетопленный чердак.
Ученики кругом угрюмо и понуро
Смотрели на нее и рассуждали так:
«Не хороша совсем. И кажется, что дура.
И от чулков у ней на икрах синий знак.
Нет ясности в частях и твердости контура
И слишком свис живот, хотя и натошак».
Натура бедная, от холода и злости
Зубами щелкая, сказала всем в ответ:
«Послушайте меня, разборчивые гости,
Вот вам нехитрый, но пользительный совет.
Разденьтесь медленно. На барабан садитесь
Возьмите зеркало и хорошо взглянитесь».

7 ноября 1917 Одс.

* * *

Альма Тадема – крайняя правая.
Крайняя левая – сам Пикассо.
Живопись гнусная и корявая,
Живопись псевдо натурального класса.
Мучаясь в спазмах творческих колик,
Томно раздумчив, истинно тонок,
Трудится сам маэстро Соколик
Над сотвореньем своих заслонок.
Фикс фиксирует охрой и черной
Плотность всему покорной натуре,
Дань отдавая рукою покорной
Веянию самой последней моды.
Кто-то трактует модель под Сезанна,
Кто-то старается быть, как Репин.
Словом – натуральный класс без обмана,
Разнообразен и великолепен!

Одесса, ноябрь 1917 – Кирлижи, январь 1918

Поэт, художник и натурщица

Действующие лица

Художник – высокого роста

Поэт – невысокого роста

Натурщица

Художник (*ходит по комнате, бормоча*)

Кубических пропорций совершенство,
Объем земли огромен! О, блаженство
Объятий необъятного! И так,
Теперь путь найден, или я – дурак!
О, новизна свободного искусства!
Как в прошлом все бездарно, глупо, пусто –
Рабы природы Дюрер и Рембрандт
И Тициан, закопанный талант!

(Входит натурщица.)

Натурщица

Федосья Павловна Морская.
По объявлению в «Листке»
Пришла позировать.

(Оглядывается.)

Какая
Идиллия на чердаке.
Палитра, кисти, койка, печка,
Стол, колбаса, вино, настойка,
Мольберт, подрамники, холсты
Приют труды и красоты!

Художник

Прошу садиться, мадмазель. Картину
Задумал я такую, чтоб весь мир

Уразумел, что дряхлую рутину
Пора оставить. Что роскошный пир
Справляет обновленное искусство,
Тогда как в прошлом все бездарно, пусто.

Натурщица

Вы будете писать меня?
Так знайте: в этом повороте
Всего я лучше. В два-три дня
Вы это сами же поймете.
Смотрите: родинка вот здесь,
Здесь прыщик, здесь немного криво,
Но если только так вот сесть...

Художник

Со всех сторон, поверьте, вы красивы
Чрезвычайно. Контур ваших плеч
И талия, подобная растенью,
Великолепны. А случайной тенью
И кривизною можно пренебречь.
Я вдохновлен! Скорей, палитру, кисти –
Медлительность – большой порок в артисте.

Натурщица

Ах, вы меня совсем смутили!
Я покраснела. Вы напрасно
Бесповоротно объявили,
Что я изящна и прекрасна...
Раздеться нужно? Я до бюста
Отлично сложена.

Художник

Прошу, прошу.
Я буду вас писать сперва не густо,
А после сверху жирно пропишу.
Чтоб плотность и объем нагого тела
Сознание воспринять вполне успело.

Поэт (*входит и останавливается в дверях*)

Я помешал... Простите...

Художник (*сердито*)

Что ж, прощайте!

Поэт (*продолжает стоять*)

Фаина! Ты здесь, ах!

Натурщица

Ах...

Художник

Невозможно! Двери закрывайте!

Входите! Холодно! Застрял в дверях!

Да что стоите? Дилетанты сдуру

Глаза таращат, увидав натуру!

Поэт (*делает несколько шагов по направлению к натурщице*)

Фаина, я тебя

Узнал в одно мгновенье...

Я не прошу прощенья!

По-прежнему любя,

По-прежнему страдая,

По-прежнему грущу,

Фаина, дорогая,

Я пулю в лоб пущу!

Позволь мне две минутки

В углу здесь посидеть.

Натурщица

Поэт, оставьте ваши шутки,

Я больше не хочу терпеть.

О, сколько наглости в терзаниях

И жалкой подлости в слезах!

Где больше лжи, в его признаньях,

Или в пустых его глазах?

Художник (*к Поэту*)

Простите, сударь, если я невольно
Вступиться принужден за эту даму.
Ея немногих слов вполне довольно,
Чтоб отгадать мучительную драму.
Я...

Поэт

Вам какое дело?
Заступник! Что за вздор!
Вы, сударь, слишком смело
В чужой вмешались спор.
Вы пишете Фаину? –
Пишите, а пока
Я карандашик выну
И напишу слегка.
Затем – сонет с картиной
Мы перед ней сравним.
Свобода за Фаиной,
Победа – за одним.

Художник (*стоит несколько мгновений в удивлении*)

Федосья Павловна, прошу, скажите
Какого вы об этой штуке мненья?

Натурщица

Ну, что ж, садитесь и пишите,
А я сравню произведенья.

Художник (*патетически*)

О, женщины!

Поэт

О, да
Да, женщины поэту
Во все века, всегда
Святой огонь дарят!

Без них таланты в Лету
Пригоршнями летят.
Петрарка без Лауры,
Без Беатриче Дант,
Один – философ хмурый,
Другой – сухой педант.

Художник *(вздыхая)*

Ну, что же, здесь на табурете
Присаживайтесь, чтобы писать стихи.
Я думаю, что рассужденья эти
Пред этой дамой тяжкие грехи
Не смоят.

Поэт

Чепухи

Мой друг, не говорите!
Бессмертье в ней
(указывает на натурщицу),
А мы блуждаем в тьме наитий –
Крик в темноте тюрьмы...
(К натурщице)
Фаина, свет мой!

Натурщица

Господа,

Пора писать.
Беритесь дружно!
По окончании труда
Нам пообедать будет нужно.

(Садится так, как показывала художнику. Поэт и художник пишут.)

Художник

Кубических пропорций совершенство...

Поэт

Какой восторг глядеть на нежную Фаину...

Художник

Объем земли огромен! О, блаженство...

Поэт

Поэт, пиши стихи, художник, мажь картину...

Художник

Объятий необъятного! И так...

Поэт

Мне чудится, что я в цветущую долину...

Художник

Теперь путь найден, или я – дурак...

Поэт

Пришел поцеловать прекрасную Фаину...

Художник

О, новизна свободного искусства!
Как в прошлом все бездарно, глупо, пусто –
Рабы природы Дюрер и Рембрандт,
И Тициан, закопанный талант!
Я кончил.

Поэт

Я готов.
Кто раньше даст ответ?

Натурщица

Слыхала я десяток слов, – сперва послушаем сонет.

Поэт (*читает*)

Какой восторг глядеть на нежную Фаину,
Очаровательна, как лилия она!
Поэт, пиши стихи! Художник, мажь картину
И назови ее: «Двадцатая весна».

Мне чудится теперь: в цветущую долину
Моя душа навек резвиться отдана,
И я целую здесь прекрасную Фаину,
Ее, мою любовь, мою принцессу сна!
Но ах, увы, увы! Внезапно злой художник
Стал рисовать. Ее пронзил холодный глаз,
Кисть хлещет, и как зверь скрипит мольберт-треножник.
Господь, освободи ее от страшных пут!
Фаина, жду тебя, вернись в последний раз,
Фаина, друг, я здесь, Фаина, друг, я тут!..

Художник

Федосья Павловна, как дар примите
Внезапный плод моей любви – портрет.
Вы на него внимательно взгляните,
И согласитесь, что неправ поэт.
(Поворачивает мольберт к ней и к публике.)

Натурищица

Ай! *(бежит и прячет голову на груди у поэта)* Ой!

Поэт *(нежно ее ласкает)*

Фаина, пора обедать!

(Натурищица и поэт уходят.)

14 января 1918

Кирлижи

Пикассо, Нилус и Бурлюк

Сцена представляет угол комнаты. В углу сидит Пикассо. Он весь из подрамников, оклеенных газетами, эмалирован белыми буквами и т. д. При поднятии занавеса из-за Пикассо слышатся звуки скрипки, сперва низкие, медленные, потом быстрые, и, наконец, доходят до высоких и быстрых, где и обрываются.

Пикассо (вздыхает)

Пройдут года, и здесь в натурном классе
Я воцарюсь как некий грозный бог.
Заговорят, заспорят о Пикассе,
Придет, придет, неотвратимый срок.
О, как теперь ясна моя дорога.
Встают и множатся толпы теней,
Все болтуны. Их бесконечно много,
Бессмертию едва ли больше дней.

(Вздыхает.)

Раздаются звуки шарманки и появляется критик.

Критик

Явление нового искусства
Необходимо объяснить.
Пусть голова моя капуста,
Всеведущим я должен быть.
Итак, начнем: прошу вниманья.
Здесь, перед вами, господа,
Геньяльнейшее начинанье.
Не относитесь никогда
Без критицизма к мистицизму
Барокко-ренессансных форм.
Необходимо оптимизму
Побольше современных норм,
Придя к фабричному лиризму
Сквозь непрременный силлогизм

И, так сказать, смотря сквозь призму,
Мы весь увидим футуризм.
Прими чудесное ученье!
И никакого нет сомненья,
Что разрушающий процесс
Есть нечто вроде отслоенья,
Которое дает прогресс.
Суммируя, чтоб было ясно,
Я кончу просто, как всегда:
Когда прекрасное прекрасно,
Оно прекрасно, господа!
(Кланяется и исчезает.)

Входит Нилус. Он очень сердит.

Нилус

О, лошади, но где ж они видали,
Что глаз у человека на щеке?
Илья Ефимыч, правду вы сказали
Не только, что об этом дураке...

Дамочка

Ах, я сама прекрасно знаю,
Что ничего не понимаю,
Мосье художник, вероятно,
Вам это более понятно.
В чем дело?

Нилус (любезно)

В том, что все теперь на свете
Приобретает новый вкус и стиль.
Художники стараются в предмете
Найти и фас, и контур, и профиль.
При чем, конечно, очень важно тоже,
Чтоб было абсолютно непохоже.

Жестикулируя, Нилус берет дамочку под руку, и они удаляются.

Пикассо вздыхает.

Два мистика входят и останавливаются спиной к Пикассо.

Грядет, грядет, грядет, грядет
Оплот любви, любви оплот.
Свободный дух, свободный дух,
Прошедшей ночью пел петух,
Скатился месяц и потух
Пкассо! Пикааасо!

Бурлюк

В академии наук
Заседает князь Дундук,
Отчего он заседает,
Отчего такая честь,
Это все отлично знают,
А я его внук!
Мне нравится беременный мужчина,
Как он хорош у памятника Пушкина,
Одетый в старую тужурку,
Ковыряет пальцем штукатурку!

(Подходит к Пикассо и похлопывает его по плоскости.)

Молодец, Пикассо! Люблю за фактуру.

Занавес задергивается и раздергивается опять.

Утро. Пикассо стоит в углу.

1-й ученик

(Входит со вздохом и рассматривает Пикассо.)

По понедельникам чудит Иван,
Его мутит денатурат вчерашний.
Вот прошлый раз сломал... Ногу,
Теперь подрамники нагромоздил.
Ах, фантазер! Люблю пропойц ужасно
За сивые блестящие носы –
В них несомненно колоритность есть.

2-й ученик

А знаешь ли, сказать тебе по правде,
Мне нравится фантазия Ивана.
Как ни верти, а он скомпоновал
Большой оригинальный натюрморт.
Не прочь бы я все это написать.
Название можно было бы придумать:
«Картонная фантазия».

1-й ученик

Оставь.
Ты вечно наплетешь такую чушь,
Что уши вянут. Ну и натюрмортик!
Где тут поэзия? А колорит? А смысл?
Нравоученье, красота и свежесть?
Ей-богу, расскажу Кирьяку.

Входит Костанди:

Господа
Опять не за работой
(*смотрит и всплескивает руками*).
Ванька, озорник,
Опять накуролесил! Нужно выгнать!
Ну, за подрамники! Сегодня нужно
Затушевать Венере нос и ухо
И хоть кусочек маленький щеки.

Ученики берут подрамники, и Пикассо с грохотом распадается.

[Декабрь 1918]

